

С.А. Ткаченко, ассистент кафедры «Немецкий язык»

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик (Россия)

Ключевые слова: форма и материя; А. Марти; В. Вундт; языковые средства.

Аннотация: Язык, согласно В. фон Гумбольдту, состоит из материи (субстанции) и формы. «Действительная материя языка – это, с одной стороны, звук вообще, а с другой – совокупность чувственных впечатлений и произвольных движений духа, предшествующих образованию понятия, которое совершается с помощью языка». Говорить что-либо о языковой материи в отвлечении от формы невозможно: «в абсолютном смысле в языке не может быть никакой неоформленной материи»; в частности, звук «становится членораздельным благодаря приданию ему формы». Именно форма, а не играющая лишь вспомогательную роль материя составляет суть языка. Противопоставление формы и материи терминологически создано Аристотелем, но концептуально было подготовлено Платоном.

В данной статье рассматриваются понятия «форма», «материя» – многозначность, характеристика, взаимосвязи, употребление данных понятий в философии и лингвистике. Понятия «форма» и «материя» присутствуют везде. В определенной степени, однако, форма по отношению к материи является более важным, а следовательно, основным. Содержание, в свою очередь, также может противопоставляться форме. Доказана неоднозначность формы и материи на примерах (от Аристотеля и Канта до современных философов и лингвистов). Дается определение материи как «материала» (с одной стороны) и «формы» (с другой стороны). Приводятся доказательства того, насколько важен для развития значения термина «форма» взгляд на «форму» с точки зрения образа. В предлагаемой статье противопоставляются взгляды немецкого лингвиста А. Марти и немецкого философа, языковеда В. Вундта о понятиях «форма» и «материя». А. Марти, приведя существенные аргументы, доказывает ошибочность взглядов В. Вундта.

Тот факт, что понятия «форма» и «материя» взаимосвязаны, не подлежит сомнению. Проблемой взаимосвязи и характеристикой этих понятий в разное время занимались философы, лингвисты, политики разных стран и государств: Аристотель, Платон, В.И. Ленин, Ф. Энгельс [1–4]. В учебной литературе данная проблема также неоднократно освещалась, в частности, Т.И. Кохановской, Б.М. Кедровым [5; 6]. Понятия «форма» и «материя» рассматривают Ф. де Соссюр, З. Шмидт, В. фон Гумбольдт, Х. Штейнталь, М. Даскаль, К. фон Борманн (В. Францен, А. Крапиек, Л. Оеинг-Ганхофф), Т. фон Аквин, Дж. Лайонс, А. фон Пехманн, Е. Тугендхат, Дж. Бруно [7–17].

Чтобы убедиться, что термины «форма» и «материя» не являются однозначными, даже если они оба специально употребляются в лингвистике, достаточно немного ознакомиться с материалами, посвященными общей грамматике и философии языка, например, с книгой К. Штейнталя («Грамматика, логика и психология») или с главой в этой книге («Введение в психологию и языкознание») [18, с. 360]. При сопоставлении мест с употреблением термина «форма» сразу становится ясно, что этот термин далеко не всегда следует понимать в одном значении. Приведем один пример. Как могла бы «форма» означать то же самое, что и «материя», если среди прочего мы читаем о том, что все наше мышление («сравнение», «классифицирование» и т. д.) и вся наша речь являются некой формой [19, с. 99]? В противном случае нам в тот же миг пришлось бы говорить о языке, не имеющем формы, с помощью которого выражает себя лишенное формы мышление. Или такой пример: если мы согласимся, что форма и материя мысли относительно языка в равной степени являются содержанием, которое он облекает в форму, то тогда это опять бы означало, что есть языки, где возникновение и передача мысли могут осуществляться

без какой-либо формы. Тогда в таких языках мысль возникает без формы и передается без формы, а только как одна материя и т. д. Такая двусмысленность ни в коей мере не огорчала Штейнталя, напротив, это привело его к диалектике, схожей с гегелевской.

Другие лингвисты, интересовавшиеся и интересующиеся самыми общими вопросами своей науки, напротив, от такого смешения понятий чувствовали себя неудобно. Например, Фридрих Потт однозначно жалуется в своей работе на «воскоподобную изменчивость слова «форма», с которой он столкнулся в работах Штейнталя [19, с. 100]. Однако нельзя сказать, что в современной литературе, посвященной философии языка, дела обстоят лучше. Там также время от времени встречается сомнительная небрежность и устойчивая двусмысленность в использовании термина «форма». В подтверждение этого можно сослаться на труд В. Вундта, посвященный общим положениям о понятии и введении формы слова [20, с. 1–8] и о внешней и внутренней форме языка [20, с. 402, 427].

Согласно теории А. Марти, термин «форма» наравне со своим коррелятом, как и многие языковые средства, обладает переносным смыслом. Но два разных образа, возникающих перед мысленным взором, представляются нашей фантазии как носители определенного значения. Таким образом, мы сразу открываем это значение в его развитии и трансформации в целом, рассматривая его в качестве двух различных, противоположных друг другу направлений [19, с. 101].

В этой связи форма по отношению к материи кажется чем-то более важным, ценным и, с этой точки зрения, основным. Например, если обратиться к скульптуре, то «форма» (в смысле «фигура») противопоставляется «материи», материалу (мрамор, металл), в котором она воплощена. Из этого образа воскоподобной изменчивости, позволяющей воплотить человеческое тело

с помощью мрамора или путем тиснения, исходил Аристотель, когда он εἶδος (греч.) (образ) возвысил до понятия абстрактных сущностей, то есть до того, что, являясь основой или стержнем или обладая собственной определенностью, придает изменчивости определенность [19, с. 101].

При этом содержание или материя кажутся в процессе трансформации чем-то устойчивым, в то время как форма – чем-то изменчивым. И с этой точки зрения, по внутренним принципам возникновения, сформулированным Аристотелем, форма и материя присутствуют везде, где возникновение осуществляется в ходе трансформации. Как известно, наблюдая за возникновением реальных случайностей и за тем, что является незначительно сопутствующим (возникновение нереального), Аристотель перенес это на самостоятельное возникновение (возникновение реального) и непосредственно на возникновение субстанций. Этот шаг привел Аристотеля к принятию субстанциональной материи и субстанциональной формы.

Впрочем, Кант также упоминал в связи с термином «форма» о значении сущностной составляющей, придающей определенность. Например, когда он обозначал общепризнанность как «форму закона» и кайму как «форму судебного решения», считая это доказываемой абстракцией [19, с. 102]. Вероятно, каждый раз имелось в виду, что самое главное – это то, что делает закон законом, и соответственно судебное решение – судебным решением. Напротив, совсем иным представляется использование термина «форма», если речь идет о качественной разнице судебного решения (а именно: имеется в виду признание или оспаривание, согласие или отрицание). Однако здесь, вероятно, также лежит в основе мысль, что есть нечто, являющееся основным аспектом разницы, поэтому она и названа «качественной», то есть более существенной, в противопоставление просто «количественной».

Наряду с рядом употреблений слов «форма» и «формальный», опирающихся на образ «формы» как скульптуры или оттиска, есть другой образ, принципиально отличающийся и подразумевающий под формой «сосуд» или «облачение», который сам по сути не так значителен и ценен, но временно охватывает и включает в себя нечто более ценное и значительное.

Так, языковые средства представляются чем-то формальным в отношении выражаемого ими значения. То же самое имеется в виду, если в каком-нибудь вопросе формальное противопоставляется ценному. Здесь можно вспомнить, что в области юриспруденции говорится о разнице между формальным и материальным правом, так что приходится жаловаться на формализм юристов; где форма становится менее ценной настолько, что кажется более важным то, что она в себе содержит. В этом случае часто это содержимое называют не «материалом», а «материей». И если в области искусства форма и содержание противопоставляются друг другу, причем материя рассматривается как нечто более ценное, то содержание может противопоставляться «форме», как и тому, что, с другой точки зрения, называют «материей».

Это различие эстетиками формы и содержания художественного произведения чаще всего встречается в поэзии, но может быть применено и в любой другой

области искусства, везде, где под «содержанием» подразумевается воплощенная в художественном произведении мысль, в некоторой степени душа или дух, который облечен в художественной форме в воспринимаемую плоть, в некую оболочку, доступную восприятию органами чувств, то есть окружен такими средствами, которые позволяют его воспринимать и наблюдать. А. Марти приводит следующие примеры: если применять такое различие в скульптуре, то возникает парадокс, который делает очевидным тот факт, что противопоставление формы и материала, с одной стороны, и формы и содержания, с другой стороны, основывается абсолютно на разных точках зрения. Создана ли скульптура из мрамора или металла, с точки зрения материи, значения не имеет. Поскольку различие материи как «материала» имеет только эстетическое значение (что, кстати, тоже встречается), то материал становится тем, что называют «формой» (в противопоставление «содержанию»), то есть тем, что служит для выражения содержания [19, с. 103].

Мы упомянули, что Аристотель, опираясь на понятие «форма» по отношению к «формирующему», вывел собственное определение формы (которое в истории метафизики имеет столь большое значение). Однако при этом «форма» как фигура выполняет лишь роль образа или аналогии. Другой точки зрения придерживается В. Вундт. Согласно его мировоззрению, именно здесь «в расчленении воспринимаемого содержания, через которое форма выделяется во времени и пространстве из осязаемого содержания» берет собственно свое начало понятие «форма». Тогда ее основные элементы можно было бы найти во всем, где речь идет о форме или о формальных понятиях. По мнению указанного автора, «в основе такого различия должен лежать следующий факт»: «при наличии наглядной формы материя представления может как угодно изменяться, но изменение формы невозможно без одновременного изменения воспринимаемой материи» [21, с. 228–240]. И далее: «При взаимодействии осязаемой материи с пространственно-временной формой представления» «изменение воспринимаемого материала возможно без одновременного изменения пространственно-временной формы; напротив, изменение последней никогда не происходит без одновременного изменения воспринимаемого материала». Автор приводит в подтверждение этого абстрактного утверждения следующий пример: «Любое тело может менять свой цвет при отсутствии даже минимальных изменений его геометрических свойств. Но никакое тело не может изменить свою геометрическую форму, если при этом не исчезнет обусловленное ей восприятие или не возникнет новое» [21, с. 112, 117].

Здесь кажется очевидным, что Вундт полагал, будто им найдены типы понятия «форма» для геометрической фигуры в целом, и что он видит суть взаимосвязи формы и содержания в безусловной неравноценности обоих факторов, а именно в возможности изменения одного из них без изменения другого.

Теперь о главной ошибке модели Вундта. Вероятно, при определении формы он хотел опираться на типы геометрической «формы», то есть фигуры. При этом в качестве характерных он указывает качества, которые хотя и присущи фигуре, но не являются для нее характерными.

Только так ему удастся перенести понятие формы в область времени, в которой нет аналогов фигуры, и говорить о различных «формах» течения времени, которые могли бы иметь место при качественно неизменных событиях [19, с. 105].

Если, согласно Вундту, понятие формального довольствуется тем, что его изменение всегда влечет за собой то или иное изменение материи, даже если это не происходит непосредственно при изменении фигуры или ее аналога (в то время как форма независимо от изменяемого содержания может сохраняться), то данное понятие, как это уже было отмечено, должно употребляться в самых разных взаимосвязях, имеющих далеко не общее значение. Правда, сам Вундт не пытался этого сделать [19, с. 106].

Вероятно, Вундт скажет, что он был неверно понят и что это не его собственное мнение, что именно рефлексия пространственных фигур выводит понятие формы, а общеизвестная взаимосвязь пространства (и аналогично времени) с соответствующими чувственными свойствами – это уже совсем другое.

На это легко ответить, что в действительности это нечто совсем иное. Тогда бы можно было бы задать двойной вопрос: какая на самом деле существует взаимосвязь между пространством или временем, с одной стороны, и соответствующими свойствами, с другой стороны, и можно ли это рассматривать как некий тип взаимосвязи формы и материи?

Для начала обратимся к пространству и связанным с ним примерам, с помощью которых Вундт доказывает свою точку зрения. Фактом является то, что тело может изменять свой цвет, не изменяя своей геометрической формы, но если происходит изменение геометрической формы, то это обязательно приводит к изменению свойств. Если мы красный квадрат превратим в треугольник (даже если при этом полностью сохраним размер занимаемой им площади), то в действительности изменятся свойства, характерные для данной фигуры. При этом также некая часть специфически изменит ее определенность в пространстве. Почему это происходит? Истинная причина, вероятно, в том, что сумма специфических взаимосвязей с местом, которое мы называем фигурой «квадрат», не может измениться, если специфически не изменится абсолютная пространственная определенность, образующая фундамент этой взаимосвязи. В то время как, наоборот, со специфическим изменением абсолютной определенности, вероятно часто, но не всегда (вследствие однородности пространства) специфически изменяются все пространственные взаимосвязи, присущие данной фигуре. (Так, геометрическая форма может специфически остаться той же, несмотря на то что тело изменит свое местоположение в данной комнате.) Итак, поскольку речь здесь идет об односторонней возможности изменения, то такая возможность является абсолютной пространственной определенностью по отношению к базирующимся на ней взаимосвязям, а не возможностью изменения местоположения с точки зрения качественных свойств.

И то, что характерно для пространственных взаимосвязей и их абсолютных фундаментов, относится и к качественным взаимосвязям и абсолютным качественным определениям, образующим для них фундамент. Например, взаимосвязь специфического различия не

может прекратиться, если абсолютные определения (например, красный и синий) остаются неизменны. Напротив, несмотря на то что вместо красного и синего может возникнуть желтый и зеленый, общая взаимосвязь специфического цветового различия остается той же. Здесь также не все взаимосвязи должны подлежать специфическому изменению с помощью абсолютных фундаментов. Итак, в данном случае мы наблюдаем не что иное, как особенность пространства.

Что касается рассмотрения отдельного места с точки зрения присущего ему свойства, то такое место не рассматривается и не может рассматриваться без приобретения им из какого-либо источника этого свойства. И поэтому при изменении места речь всегда идет об изменении свойствами своего месторасположения. То же самое действует и наоборот. Антон Марти утверждает, что свойство никогда не рассматривается и не может рассматриваться, если оно не присуще какому-либо месту. Потому при изменении свойства речь всегда идет об изменении местом своих свойств. Так, если цвет при специфическом изменении своего места индивидуально воспринимается иначе (например, для индивидуального восприятия красный на этом месте совсем другой, чем на том), то также, с точки зрения индивидуального восприятия, места различаются, раз они способны специфически изменять цвет (например, красный квадрат для индивидуального восприятия нечто иное, чем синий). Таким образом, здесь не наблюдается какой-либо особенной взаимосвязи между местом и свойством. И место, и свойство индивидуальны по отношению друг к другу, и в этой индивидуальности взаимозависимы. Но также при наличии специфических изменений место и свойство могут не зависеть друг от друга [19, с. 107].

В частности, время гораздо меньше взаимосвязано со свойствами, чем пространство, так как каждому месту должно быть присуще какое-либо свойство, чего нельзя сказать о времени. И со стороны Вундта было бы большой ошибкой, если бы он рассматривал время и место в качестве аналогов. Однако незаполненного времени также нет, как и пустого пространства. Но не всякому времени должно быть присуще какое-либо свойство. Все, что существует, существует во времени. Однако не все, что существует, существует в пространстве. Исходя из этого и из той разницы, которая наблюдается между временем и пространством, вытекает то, что для времени еще меньше, чем для пространства, имеет смысл противопоставление таких свойств, как «форма» и «материя».

По утверждению Антона Марти, «тщетны наши стремления найти такую взаимосвязь свойств со временем и местом, которая бы заслуживала хоть какого-то внимания» [19, с. 108].

В частности, это относится к известным различиям, которые существуют между временем и пространством как континуумом и континуумом каких-либо свойств. Эти различия очевидны. Как известно, подвиды пространства и времени могут существовать только как элементы континуума, а не сами по себе. Напротив, подвиды свойств существуют, не образуя звеньев континуума свойств. Конечно, возможен континуум пространства и времени без того, чтобы им параллельно соответствовал континуум свойств.

Другими словами, одно и то же специфическое свойство может быть связано с любым количеством постоянно меняющихся подвидов пространства и времени. Напротив, какой-либо континуум свойств не может существовать без связи с одним континуумом времени или пространства. Это значит, что постоянно меняющиеся подвиды свойств должны одновременно находиться в одном континууме подвидов пространства или, принадлежа одному пространству, должны находиться в одном континууме подвидов времени.

Сами по себе эти характеристики, касающиеся времени и пространства с их особенностями как континуума, не могут быть причиной для противопоставления их (как «формы») соответствующим свойствам (как «материи»). Также взаимосвязь этих характеристик нельзя рассматривать как типичную уже потому, что понятия формы и материи имеют общую природу и должны применяться совсем к другим объектам мышления, чем к континууму.

Таким образом, ссылаясь на доводы А. Марти, попытку Вундта найти во взаимосвязи, возникающей между пространством и временем, с одной стороны, и свойствами, с другой стороны, источник понятий формы и материи нельзя рассматривать как результат понимания и ясности, позволяющий наблюдать истинную взаимосвязь данных понятий [19, с. 109].

Вышеизложенные наблюдения в достаточной мере убедили нас в следующем: мало того, что термины «форма» и «материя» (или «содержание») используются в самых разных значениях, но изначально совсем иные образы и типы были путеводной звездой в тех направлениях, в которых происходило формирование смысла этих терминов.

И здесь нет ничего удивительного, если мы, как уже было замечено, обнаружим слова с совсем разными, диаметрально противоположными значениями. Например, форма по отношению к общему и самому общему противопоставляется частному и, наоборот, по отношению к специфическому противопоставляется общему.

Вот все, что хотелось бы сказать о различных значениях, приобретенных в целом терминами «форма» и «материя». Об этом следовало упомянуть, потому что те же закономерности наблюдаются и в области языка (даже если не всегда в той же степени). Вывод однозначен: именно отсюда, с рассмотрения понятий «форма» и «материя», начинается путь становления языка, существенных процессов, происходящих в нем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. *Метафизика* / пер. А.В. Кубицкого. М.-Л.: Соцэкгиз, 1934. 348 с.
2. Платон. Сочинения. Ч. I–IV. СПб.: Типография журнала «Странник», 1863. 1978 с.; Ч. V–VI. М.: Синодальная типография, 1879. 1166 с.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 18. М.: Политиздат, 1968. 526 с.
4. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. М.: Политиздат, 1970. С. 489–827.
5. Философия / под ред. Т.И. Кохановской. Ростов н/Д.: Феникс, 2004. 362 с.
6. Кедров Б.М. Эволюция понятия материи в естествознании и философии. М.: Высш. шк., 1975. 154 с.
7. Saussure F. de. *Grundfragen der allgemeinen Sprachwissenschaft*. Berlin: de Gruyter, 2001. 347 s.
8. Schmidt S.J. *Sprache und Denken als sprachphilosophisches Problem von Locke bis Wittgenstein*. Den Haag, 1968. 216 s.
9. Humboldt W. *Schriften zur Sprache*. Stuttgart, 1973. 260 s.
10. Steintal H. *Die Sprachwissenschaft Wilhelm von Humboldts und die Hegel'sche Philosophie*. Berlin, 1848. 170 s.
11. Dascal M. *Sprachphilosophie*. Berlin: de Gruyter, 1992. 380 s.
12. Bormann C., Franzen W., Krapiec A. Ludger Oeing-Hanhoff: *Form und Materie (Stoff) // Historisches Wörterbuch der Philosophie*. Bd. 2. Darmstadt: Verlag Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1972. Sp. 1009.
13. Aquin Th. *Miscellanea Mediaevalia*. Berlin: de Gruyter, 1988. 507 s.
14. Lyons J. *Einführung in die moderne Linguistik*. 8 Auflage. Dachau, 1995. 538 s.
15. Alexander von Pechmann: *Form/Materie // Enzyklopädie Philosophie*. Bd. 1 / Hans Jörg Sandkühler (Hrsg.). Hamburg, 1999. S. 835.
16. Ernst Tugendhat: *Ti kata tinós. Eine Untersuchung zu Struktur und Ursprung aristotelischer Grundbegriffe*. München: Alber, 1958. 171 s.
17. Bruno G. *Über die Ursache, das Prinzip und das Eine: De la causa, principio e uno*, Felix Meiner Verlag. Hamburg, 2007. 730 s.
18. Steintal H. *Grammatik, Logik und Psychologie. Ihre Prinzipien und ihr Verhältnis zu einander*. Berlin, 1855. 392 s.
19. Marty A. *Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie*. Erster Band. Halle, Verlag von Max Niemeyer, 1908. 764 s.
20. Wundt W. *Völkerpsychologie: eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte*. Band 1–2: Die Sprache. Leipzig: Verlag Wilhelm Engelmann, 1904. 667 s.
21. Wundt W. *System der Philosophie*. Leipzig: Verlag Wilhelm Engelmann, 1889. 669 s.

REFERENCES

1. Aristotle. *Metaphysics* [Metaphysics]. Moscow, Sotsekgiz publ., 1934, 348 p.
2. Platon. *Sochineniya* [Collected works]. Parts I–IV, S. Peterburg, Tipografiya zhurnala Strannik publ., 1863, 1978 p.; Parts V–VI, Moscow, Sinodalnaya tipografiya publ., 1879, 1166 p.
3. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete set of works]. Moscow, Politizdat publ., 1968, vol. 18, 526 p.
4. Engels F. *Dealectics of Nature. Sochineniya*, Moscow, Politizdat publ., 1970, vol. 20, pp. 489–827.
5. Kokhanovskaya T.I., ed. *Filosofiya* [Philosophy]. Rostov-na-Donu, Feniks publ., 2004, 362 p.
6. Kedrov B.M. *Evolyutsiya ponyatiya materii v estestvoznanii i filosofii* [The evolution of the concept of matter in science and philosophy]. Moscow, Visshaya shkola publ., 1975, 154 p.
7. Saussure F. de. *Grundfragen der allgemeinen Sprachwissenschaft*. Berlin: de Gruyter, 2001, 347 S.

8. Schmidt S.J. *Sprache und Denken als sprachphilosophisches Problem von Locke bis Wittgenstein*. Den Haag, 1968, 216 S.
9. Humboldt W. *Schriften zur Sprache*. Stuttgart, 1973, 260 S.
10. Steinthal H. *Die Sprachwissenschaft Wilhelm von Humboldts und die Hegel'sche Philosophie*. Berlin, 1848, 170 S.
11. Dascal M. *Sprachphilosophie*. Berlin: de Gruyter, 1992, 380 S.
12. Bormann C., Franzen W., Krapiec A. Ludger Oeing-Hanhoff: Form und Materie (Stoff). *Historisches Wörterbuch der Philosophie*. Bd. 2. Darmstadt: Verlag Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1972, Sp. 1009.
13. Aquin Th. *Miscellanea Mediaevalia*. Berlin: de Gruyter, 1988, 507 S.
14. Lyons J. *Einführung in die moderne Linguistik*. 8 Auflage. Dachau, 1995, 538 S.
15. Alexander von Pechmann: Form/Materie. *Enzyklopädie Philosophie*. Bd. 1 / Hans Jörg Sandkühler (Hrsg.). Hamburg, 1999. S. 835.
16. Ernst Tugendhat: *Ti kata tinós*. Eine Untersuchung zu Struktur und Ursprung aristotelischer Grundbegriffe. München: Alber, 1958, 171 S.
17. Bruno G. *Über die Ursache, das Prinzip und das Eine: De la causa, principio e uno*, Felix Meiner Verlag. Hamburg, 2007, 730 S.
18. Steinthal H. *Grammatik, Logik und Psychologie. Ihre Prinzipien und ihr Verhältnis zu einander*. Berlin, 1855, 392 S.
19. Marty A. *Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie*. Erster Band. Halle, Verlag von Max Niemeyer, 1908, 764 S.
20. Wundt W. *Völkerpsychologie: eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte*. Band 1–2: Die Sprache. Leipzig: Verlag Wilhelm Engelmann, 1904, 667 S.
21. Wundt W. *System der Philosophie*. Leipzig: Verlag Wilhelm Engelmann, 1889, 669 S.

**TO THE ISSUE OF THE FORM AND MATTER IN PHILOSOPHY AND LANGUAGE
IN COMPARISON OF SCIENTIFIC VIEWS OF A. MARTY AND W. WUNDT**

© 2015

S.A. Tkachenko, assistant of the department «German Language»
H.M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik (Russia)

Keywords: form and matter; A. Marty; W. Wundt; linguistic means.

Abstract: According to W. Humboldt, the language consists of the matter (substance) and form. “Real matter of the language is, on the one hand, a sound in general and, on the other hand, a complex of sensory impressions and involuntary movement of the spirit which precede the formation of a concept that is created with the language”. It is impossible to speak about a linguistic matter without meaning a form: “in the absolute sense, there cannot be any unformed matter in the language”; in particular a sound “becomes articulate due to giving it a form”. The form, not minor matter, is the essence of the language. Contrast between the form and matter was terminologically created by Aristotle, but conceptually outlined by Plato.

The article studies the concepts “the form”, “the matter” – ambiguity, characteristics, relationships, and the use of these concepts in philosophy and linguistics. The concepts of “form” and “matter” are everywhere. To some extent, however, the form in relation to the matter is more important and, therefore, basic. The content, in its turn, may also be opposed to the form. The paper proves the ambiguity of form and matter on the examples (from Aristotle and Kant to contemporary philosophers and linguists). The definition of the matter as the “material” (on the one hand) and “form” (the other hand) is given. It shows how important for the development of the meaning of “form” is the view of the “shape” in terms of image. This article contrasts the views of the German linguist A. Marty and the German philosopher and linguist W. Wundt on the concepts “form” and “matter”. A. Marty, through bringing substantial arguments, proves Wundt's erroneous views.